

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА

Ю. Б. Жидкова

Воронежская государственная медицинская академия

Целью данной статьи является рассмотрение функционирования медицинских терминов в рассказах А. П. Чехова. Функционирование медицинских терминов в пределах лексического единства художественного текста автор рассматривает как часть большой и важной работы по описанию лингвистических аспектов русской медицинской терминологии. В рассказах А. П. Чехова термины выполняют не только номинативную функцию, но и становятся изобразительным средством языка художественного произведения.

Вопрос о функционировании медицинских терминов в художественном тексте поставлен уже давно. В данной статье будут рассмотрены медицинские термины в тридцати рассказах А. П. Чехова, объединенных общей «медицинской» тематикой, то есть рассказы о врачах, где описываются их рабочие будни или эпизоды из их жизни («Палата № 6», «Необыкновенный», «Случай из практики», «Враги», «Попрыгунья» и др.), рассказы, где действующими лицами являются заболевшие или умирающие люди («Тиф», «Три года», «Цветы запоздалые», «Мужики», «Горе» и др.), рассказы о душевном здоровье персонажей («Припадок», «Черный монах», «Палата № 6»), а также юмористические рассказы («Сельские эскулапы», «Хирургия», «Симулянты», «Аптекарьша», «У постели больного» и др.).

Существует много научных работ, посвященных стилю А. П. Чехова. Это работы И. М. Гейзера, Н. Дмитриевой, Л. Е. Кройчика, Е. А. Покровской, Г. Ф. Татарниковой и др., но исследователи не касаются избранной нами темы [3; 4; 5; 9; 11].

И. М. Гейзер полагает, что знание медицины оказало большое влияние на творчество Чехова. [3, 76]. Но специально «медицинских» рассказов, считает Н. Дмитриева, имеющих целью дать клиническую картину болезней, он не писал никогда. Например, рассказ «Черный монах», сам писатель называл медицинским, объясняя это тем, что в нем изображается клиническая картина мании величия, но содержание не сводится к ней, как в «Палате № 6» — к мании преследования, как в рассказах «Припадок» или «Случай из практики» — к изображению нервного припадка. Симптомы болезни описаны так, как принято в психиатрической науке, но сущность не в них [4, 1].

Нами исследованы рассказы в основном 80-х годов, когда писатель только вошел в литературу, а также несколько созданных позднее.

Согласно определению энциклопедии «Русский язык» под термином будем понимать «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [10, 556]. Существует несколько классификаций терминов в лексическом составе языка науки. Г. Н. Аксёнова, Н. Е. Кожухова и А. А. Шарapa, а также Е. В. Панаева в художественных произведениях выделяют широкоупотребительные термины, специальные и узкоспециальные. Широкоупотребительные термины фиксируются в толковых словарях без помет. Специальные термины представлены в толковых словарях, но имеют при себе помету «специальное». Для установления значения узкоспециальных терминов необходимо обратиться к специальным словарям, так как их значений нет в толковых словарях [1, 12; 8, 99—100].

Всего в рассказах А. П. Чехова выделено 283 медицинских термина. Большую группу составляют широкоупотребительные термины (262 лекс. ед.): *рак, инвалид, кровотечение, рецепт, корона, органическая ткань и др.*; специальные термины составляют 16 лекс. ед.: *конституция, сигнатура, евстахиевы трубы, апоплексический удар и др.*; узкоспециальные термины малочисленны (5 лекс. ед.): *аневризма, тракция, гиперестезия, неврит, везикулярное дыхание.*

Хотя термины более характерны для книжной речи и не свойственны живому разговорному языку, Чехов насыщает именно терминами речь своих героев. В тех рассказах, где изображается профессиональная деятельность врача, употребление терминов создает определенный колорит места действия. В функции непосредственного изображения действительности термины в рассказах

Чехова становятся основополагающим элементом художественного текста. Это **дискуссии, деловые разговоры врачей**: «...я просил бы вас обратить внимание на его конституцию...» (У постели больного, 4¹, 418), «Благодаря антисептике, делают операции, какие великий Пирогов считал невозможными даже in spe.» (Палата № 6, 3, 125); **установление диагноза, констатация причин смерти**: «Я сходил с ума, у меня была мания величия. (Черный монах, 3, 184), «Боюсь, что это *аневризма*...» (Враги, 6, 32), «...труп с диагностикой «*злокачественная анемия*» (Попрыгунья, 6, 21), «Под вечер Андрей Ефимович умер от *апоплексического удара*» (Палата № 6, 3, 159).

Медицинские термины присутствуют в **описании деловой производственной обстановки**, например, **оперирования** больных, где термины также никакой добавочной нагрузки, кроме основной номинативной функции, не несут: «...уважаемый товарищ Терхарьянец с таким усердием *катетеризировал* у солдата Иванова *евстахиевы трубы*...» (Интриги, 4, 362), «...вместо того чтобы *вылущить* ноготь на большом пальце левой ноги...» (Интриги, 4, 361), «Во вторник у мальчика *высасывал* через трубочку *дифтеритные пленки*» (Попрыгунья, 6, 27); или **описания врачебных действий при осмотре**: «...перевернул больного на живот и опять *постукал*; с сопеньем *выслушал*...» (Цветы запоздалые, 7, 398), «Затем ей *впрыснули под кожу* что-то вроде *гофманских капель*...» (Драма на охоте, 9, 178); или во **врачебных рекомендациях, способах лечения**: «Вы разведите его в бутылке и *положите себе горло* утром и вечером» (Сельские эскулапы, 4, 233), «Доктор садится за столик и, потеряв ладонью лоб, *прописывает* Лизочке *бромистого натрия*...» (Страдальцы, 9, 315), «...лечил мужиков *гомеопатией* и занимался спиритизмом» (Ариадна, 2, 447).

Чехов создает в рассказах достоверный **производственный пейзаж** с помощью терминов: «За желтой, лоснящейся конторкой, уставленной вазочками с *сигнатурами*...» (В аптеке, 6, 54), «Тут увидел он *резиновые кружочки, шарики, спринцовки, баночки с зубной пастой, капли Пьеро, капли Адельгейма, косметические мыла, мазь для ращения волос*...» (В аптеке, 6, 56), «Перед ним замелькали сначала всевозможные «*радиксы*»: *генциана, тимминелла, торментилла, зедоариа* и прочее. За радиками замелькали *тинктуры*...» (В аптеке, 6, 56). Данное перечисление приборов и средств,

выраженных общеупотребительными терминами, а также терминами-эпонимами (*капли Пьеро, капли Адельгейма*) без объяснения их назначения служит для создания таинственной атмосферы в аптеке, соответствующей зрительному и чувственному восприятию посетителя. Названия радикасов не указаны в словарях. Это транслитерация — передача слов латинского языка средствами русского алфавита [12, 4].

Так как героями чеховских рассказов нередко выступают студенты-медики, то в текстах можно выделить подобные примеры, передающие процесс изучения анатомии: «*Processus condyloideus et musculus sternocleido-mastoideus. Яремный отросток и грудно-ключичнососковая мышца*. (Студент Гвоздиков из рассказа «Свидание хотя и состоялось, но...», 2, 178), «*Правое легкое состоит из трех долей*... — зубрил Клочков. — Границы! *Верхняя доля на передней стенке груди достигает до 4—5 ребер, на боковой поверхности до 4-го ребра*...назади до *spina scapulae*...» (Анюта, 5, 340).

Термины на латинском языке характерны для речи врачей: «Всем также известно, что уважаемый коллега Жила у актрисы Семирамидиной принял блуждающую почку за абсцесс и сделал пробный прокол, отчего и последовал вскорости *exitus letalis*» (Интриги, 4, 361). Латинские слова неотъемлемы в прописях рецептов. Чехов дает прямой их перевод в сноске: «*Natri bicarbonici*» — сода (Сельские эскулапы, 4, 233), «*Calomeli grana duo, sacchari albi grana guingue, numero decem!*» — Каломели два грана, сахару пять гран, десять порошков! (В аптеке, 6, 54) или переводит в самом тексте: «Самойленко сел и прописал хину в растворе *kalii bromati*, ревенной настойки, *tincturae gentianae aquae foeniculi* — все это в одной микстуре, прибавил розового сиропа, чтобы горько не было, и ушел» (Дуэль, 8, 345).

Итак, медицинские широкоупотребительные, специальные и узкоспециальные термины употребляются в номинативной функции в рассказах Чехова, связанных с профессиональной тематикой. Вместе с номинативной функцией термины являются и стилистическим средством создания медицинской производственной атмосферы.

Как стилистическое средство термины используются для речевой характеристики персонажа. И, конечно, присутствие специальных слов в речи действующего лица выдает его профессию, круг интересов.

Чехов стремится дать более выразительную **речевую характеристику героя**, вызвать у чита-

¹ Далее примеры приводятся в соответствии со списком источников языкового материала

теля более яркие представления о нем. Чтобы не давать откровенной оценки личности героя, писатель раскрывает его характер, настроение, образ мыслей посредством его же речи. Кроме того, выражается эмоциональная реакция самого персонажа на поведение и образ жизни других персонажей. В «Дуэли» ярким персонажем является зоолог Фон Корен, выступающий за естественный отбор среди людей в цивилизованных условиях, широко употребляющий в своей речи термины. Он так резко отзывается о другом герое, Лаевском: «...как только вы заговорили о самках и самцах, о том, например, что у пауков самка после *оплодотворения*...съедает самца, — глаза у него загораются любопытством, лицо проясняется и человек оживает, одним словом ... *Вредоносность* его заключается прежде всего в том, что он имеет успех у женщин и таким образом угрожает иметь *потомство*, то есть подарить миру дюжину Лаевских, таких же хилых и извращенных, как он сам. Вторых, он *заразителен* в высшей степени. Я уже говорил вам о винте и пиве... Судите же, какое у него широкое поле для *заразы!*» (Дуэль, 8, 318—319). В его речи явно сравнение Лаевского с микробом, вирусом. Это несоответствие между содержанием высказывания и языковыми средствами порождает тонкую иронию писателя над героем. Или отношение к любви того же Фон Корена: «...любовь к человеку должна находиться не в *сердце*, не *под ложечкой* и не в *пояснице*, а вот здесь! Фон Корен хлопнул себя по лбу» (Дуэль, 8, 350).

Употребление Чеховым общеупотребительных терминов в авторской речи служит **созданию психологического портрета героя, указания на интересующую его тему**: «...проси публику не смешивать тебя с другими *дантистами*» (Общее образование, 5, 152). Здесь явно просвечивает самолюбие неопытного врача: «Довольно было пустяка — *расстройства желудка, легкого озноба*, как бабка уже ложилась на печь, куталась и начинала стонать громко и непрерывно: «Умира-а-ю!» (Мужики, 3, 365), «У него была своя собственная *теория кровообращения*, своя химия, своя астрономия» (Три года, 3, 226); кроме того, термины участвуют в создании **внешнего портрета персонажа**: «Он *пополнел*, раздобрел и неохотно ходил пешком, так как *страдал одышкой*» (Ионыч, 3, 380), «Старцев еще больше пополнел, *ожирел, тяжело дышит* и уже ходит, откинув назад голову» (Ионыч, 3, 385), «Правый глаз с *бельмом* и полузакрыт, на носу *бородавка*, похожая издали на большую муху» (Хирургия, 4, 34), «Он никогда, даже в

молодые студенческие годы, не производил впечатление здорового. Всегда он был *бледен, худ, подвержен простуде*, мало ел, дурно спал. От одной рюмки вина у него *кружилась голова* и делалась *истерика*» (Палата № 6, 3, 110), «У него на шее небольшая *опухоль*, которая мешает ему носить жесткие крахмальные воротнички» (Палата № 6, 3, 116).

К медицинской терминологии А. П. Чехов прибегает часто и в целях достижения комического эффекта. Эта лексика выступает как **средство юмора, иронии**. Комический эффект может возникать вследствие того, что термин попадает в несвойственный ему контекст, противоречащий не столько окружающей его лексике, сколько самой ситуации, например связанной с обсуждением бытовых, семейных проблем. Такой контраст усиливает впечатление. Например, Чехов сталкивает латинские слова с внутренним смысловым содержанием речи героя, который дает характеристику своей невесты и ее матери. «Ее *habitus* не плох. Рост средний. *Окраска накожных покровов и слизистых оболочек* нормальна, *подкожно-клетчатый слой* развит удовлетворительно. Грудь правильная, *хрипов* нет, дыхание *везикулярное*. *Тоны сердца* чисты» (Два романа, 7, 481), «Тем же недостатком страдает и *mater feminae* — теща (из *разряда mammalia*) млекопитающих» (Два романа, 7, 481). Следует отметить, что в конкретном случае термины на латинском языке служат не только для усиления комического впечатления, но являются своеобразным средством воспроизведения речи действующего лица.

Таким образом, терминологическая лексика, как и любое другое слово, может выполнять характеристическую функцию. Будучи средством создания портрета героев и частью их речевой характеристики, средством создания комического эффекта терминология соотносится с системой художественного целого, служит целям раскрытия идеи произведения.

Функционирование терминов в неспециальной сфере может привести к изменению функционального назначения терминов. В рассказах Чехова они нередко включаются и в процесс образно-переносного употребления. Преобразования термина у Чехова представлены употреблением уменьшительно-ласкательных суффиксов. В такой преобразованной форме термины функционируют в рассказах Чехова в речи персонажей-медиков: «Вы заметьте: когда при нем поднимаешь какой-нибудь общий вопрос, например, о *клеточке* или инстин-

кте, он сидит в стороне, молчит и не слушает...» (Дуэль, 8, 317). В повести «Три года» герой Панаров, склонный объяснять все научно, но по-своему, разъясняет, что такое влюбленность: «...В коже каждого человека заложены микроскопические железки, которые содержат в себе токи. Если вы встречаетесь с особью, токи которой параллельны вашим, то вот вам и любовь» (Три года, 3, 242). Такая форма терминов характеризует героя, говорит о его деликатности. Но само уменьшение по сути не затрагивает реального содержания термина и по своей семантической соотнесенности тождественно ему. [6, 116].

Вместе с тем термины в уменьшительно-ласкательной форме являются стилистическим средством усиления экспрессии в речи пациентов. «Она у нас, можно сказать, с малолетства была *хворенькая*» (Случай из практики, 3, 421), «А к тому, как я животом слаб, и по этой самой причине, с вашего позволения, каждый месяц кровь себе пуцаю и *травку* пью...» (Сельские эскулапы, 4, 233).

Название болезни, органа, науки или больного усиливается и благодаря экспрессивно-насыщенным определениям к этому слову: «Тут нужна борьба не на жизнь, а на смерть, а какой я боец? *Жалкий* неврастеник, белоручка...» (Дуэль, 8, 304), «Похоже на то, как будто у него *сильная* лихорадка» (Палата № 6, 3, 108), «...отречением от *зловредной* аллопатии и знанием истины» (Симулянты, 9, 40), «...усматривает один зуб, *украшенный* зияющим дуплом» (Хирургия, 4, 35).

Используясь для создания **образного сравнения**, термин у Чехова выступает в качестве обозначаемого, либо в качестве обозначающего. В сравнительных оборотах первого типа научное понятие характеризуется через бытовое: «...бородавка, *похожая* издали на *большую муху*» (Хирургия, 4, 34). Специфика научного понятия отодвигается на задний план. В сравнительных оборотах второго типа бытовое понятие характеризуется через научное: «Лаевский безусловно вреден и так же опасен для общества, как *холерная микроба*» (Дуэль, 8, 315), «У этих сладострастников, должно быть, в мозгу есть особый *нарост* вроде *саркомы*, который сдавил мозг и управляет всю психикой» (Дуэль, 8, 317). Или болезненное состояние сравнивается бытовым предметом: «Николай стал дрожать; лицо у него осунулось и, как *говорили бабы*, *сжалось* в кулачок; пальцы посинели» (Мужики, 3, 366). «В ухо отдает, извините, словно в нем *гвоздик* или *другой какой предмет*...» (Хирургия, 4, 34).

Такой прием художественно оправдан: материалом для сравнения служат привычные и близкие для персонажей рассказов понятия. Героями в данных рассказах являются врачи, владеющие медицинской терминологией.

Термины выступают в качестве художественно-изобразительных средств также в составе **метафорических конструкций**. «Впрочем, если хочешь уснуть, то, пожалуй, читай: прекрасное *снотворное средство*» (Черный монах, 3, 168) (здесь помимо скрытого сравнения, имеет место эллипсис: пропуск слова *чтение*). «Андрей Ефимыч вдруг почувствовал, что *накись* подходит к *горлу*; у него страшно забилося сердце» (Палата № 6, 3, 150). *Накись* в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяется как «пена, грязь на поверхности кипящей жидкости, а также твердые образования на стенках посуды, емкости, в которой что-нибудь кипело» [7, 383], в контексте рассказа оно выражает эмоциональную реакцию героя на слова доктора о скором выздоровлении и женитьбе.

В художественной прозе Чехова встречаются описания различных болезней. По выразительности, точности передачи ощущений и переживаний больного они превосходят все, о чем мы читаем в научной и учебной литературе, создавая поэтический образ. Нередки случаи **олицетворения болезненных процессов** и в рассказах Чехова: «Руки и ноги его как-то не укладывались на диване, хотя весь диван был к его услугам, во рту было сухо и липко, в голове *стоял тяжелый туман*; *мысли его, казалось, бродили не только в голове, но и вне черепа*...» (Тиф, 2, 65), «...и он чувствовал, что вместе с ним *вышли из вагона его жар, жажда и те грозящие образы*...» (Тиф, 2, 66), «Во рту у него горело, в ногах и руках стояли *тянущие боли*, в *отяжелевшей* голове *бродили туманные образы*...» (В аптеке, 6, 55).

Термины употребляются у Чехова и как средство **метонимии**. По мнению Н. Д. Арутюновой, метафора обслуживает предикативную функцию, а метонимия — идентифицирующую [2, 155—156]. В лингвистическом отношении метонимия интересна как необычный вид сравнения, и как необычный вид сочетаемости языковых единиц. Так, необычно сочетание глагола с неодушевленным существительным. «Аптекой пахнет... — говорит тонкий. — Аптека и есть!... Тут еще аптекарь с кислым лицом и с ослиной челюстью. — М-да... — говорит толстый басом. — *Стит фармация!* И аптекарша спит. Тут, Обтесов, аптекарша хорошень-

кая» (Аптекарьша, 9, 232). Под *фармацией* понимается аптекарь. Или перенос наименования с одного объекта на другой объект, ассоциируемый с данным: «Умному, образованному, гордому, свободлюбивому человеку, подобию божию, нет другого выхода, как идти лекарем в грязный, глупый городишко, и всю жизнь *банки, тиявки, горчичники!*» (Палата № 6, 3, 156). Здесь банки, пиявки и горчичники ассоциируются с работой врача. «Доктора *говорят — нервы*, но, когда она была маленькой, доктора ей золотуху внутрь вогнали, так вот, думаю, может, от этого» (Случай из практики, 3, 421) (слово *нервы* с семой неопределенности вбирает в себя значение всего словосочетания: *заболевание нервной системы*).

Употребление медицинских терминов является показателем и индивидуальной манерой повествования, и определяется идейным содержанием произведений. В языке Чехова термины используются для создания научного колорита, являются средством речевой и портретной характеристики героев; образное же употребление термина придает повествованию выразительность и оригинальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксёнова Г.Н., Кожухова Н.Е., Шарапа А.А. Особенности лингвистического и логико-понятийного аспектов изучения медицинских терминов / Г. Н. Аксёнова, Н. Е. Кожухова, А. А. Шарапа. — (<http://www.bsmu.by/bmm/04.2004/42htm/>).
2. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора: (Синтаксис и лексика) / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. — М., 1979. — С. 150—156.
3. Гейзер И.М. Чехов и медицина / И. М. Гейзер — М., 1960. — 150 с.
4. Дмитриева Н. «Черный монах» А. П. Чехова / Н. Дмитриева // Русский Гуманитарный Интернет — ([www.i-u.ru\(4\)](http://www.i-u.ru(4))).
5. Кройчик Л.Е. Человек с молоточком. Вступительная статья / А. П. Чехов // Рассказы и повести. — М., 1982. — С. 5—23.
6. Морозова Л.А. Особенности функционирования специальной лексики в неспециальной литературе (на

материале медицинской терминологии) / Л. А. Морозова // Современные проблемы русской терминологии. — М., 1986. — С. 107—122.

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 2004.

8. Панаева Е.В. Функции специальной лексики в художественном тексте. На материале произведений М. А. Булгакова. Кандидатская диссертация / Е. В. Панаева. — М., 2005. — 140 с.

9. Покровская Е.А. Экспрессивность эллиптических конструкций с прямой речью в прозе А. П. Чехова / Е. А. Покровская // Языковое мастерство А. П. Чехова. — Ростов н/Д., 1990 — С. 89—95.

10. Русский язык: Энциклопедия / Под. ред. Ю. Н. Караулова. — М., 1997.

11. Татарникова Г.Ф. Слова чужого словаря как выразительно-изобразительное средство в произведениях А. П. Чехова / Г. Ф. Татарникова // Языковое мастерство А. П. Чехова. — Ростов н/Д., 1990 — С. 103—107.

12. Шкарин В.В., Григорьева Ю.В., Горохова Н.М. О культуре использования научной медицинской лексики (терминологии) / В. В. Шкарин, Ю. В. Григорьева, Н. М. Горохова. — (<http://medicum.nnov.ru/nmj/2004/1/31.php>).

13. Энциклопедический словарь медицинских терминов В 3-х т. — М., 1982—1984.

СПИСОК ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. Чехов А.П. Рассказы и фельетоны. — М.: Изд-во «Правда», 1970. — 448 с.
2. Чехов А.П. Избранное. — М., 1975. — 608 с.
3. Чехов А.П. Рассказы и повести. — М.: Изд. ВГУ, 1982. — 480 с.
4. Чехов А.П. Полное собрание сочинений. — М.: Наука, Т. 3, 1983. — 619 с.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений. — М.: Наука, Т. 4, 1984. — 544 с.
6. Чехов А.П. Полное собрание сочинений. — М.: Наука, Т. 6, 1985. — 733 с.
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений. — М.: Наука, Т. 8, 1985. — 527 с.
8. Дуэль. Повести русских писателей. — М.: Правда, 1990. — 592 с.
9. Чехов А.П. Первый любовник. — М.: Изд-во АСТ, 2003. — 347 с.